

Беккер Исаак Михайлович

КАТАПУЛЬТА

Москва
2014

УДК 82/821-3

ББК 84 (2Рос=Рус) 44*84

Б 42

Беккер И.М.

Б42 Катапульта / И.М. Беккер. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 262 с.

ISBN: 978-5-519-01847-0

«Катапульта» – сборник трех повестей и нескольких рассказов. Что объединяет различные по содержанию и сюжету произведения? Трудные судьбы совершенно разных людей – интеллигентов и рабочих, педагогов и инженеров, врачей и их пациентов, людей замечательных, творческих, «летающих». Рядом с ними живут и преуспевают, командуют и пресмыкаются человекообразные существа. Что первично – добро или зло, любовь или ненависть? И может ли быть среди нас тот, кто знает ответы на все вопросы?

УДК 82/821-3

ББК 84 (2Рос=Рус) 44*84

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN: 978-5-519-01847-0

© И.М. Беккер, 2014

© Lennex Corp., 2014

Катапульта – устройство для автоматического выбрасывания пилота из летательного аппарата...

Новейший словарь
иностранных слов. М.: АСТ

КАТАПУЛЬТА

Глава 1

Готовь сани летом

– Иван Сергеевич, – запыхавшись, кричит дежурный доктор, догоняя главного у ворот больницы, – в мужском вырвало кран-буксу из гидранта. Вода хлещет, как Ниагарский водопад!

– Вызывай срочно Михалыча, он точно знает, где перекрывать воду.

– Вон он бежит, руками размахивает, сапогами хлопает...

Последний год запомнился чудесами – в конце лета, прокурлыкав прощальную песню, улетели журавли; впереди летел президент, и сильные журавли, как говорил он сам, следовали за ним, а слабые отстали и продолжили свою неспешную сибирскую жизнь.

Иван Сергеевич, главный врач психбольницы в Старосибирске, успел за последний год тихой жизни богоугодного заведения многое поменять, что и явилось итогом годичного царствования на ниве бесплатного здравоохранения, куда его, в благодарность за заслуги перед Отечеством, посадили в начальственное кресло с должности заведующего женской консультацией.

— Ты же хорошо разбираешься в женской психологии, и не только в психологии, — с хитровой усмешкой вещал начальник горздрава, уговаривая Ивана Сергеевича взвалить на себя тяжелую ношу — старые развалины лечебницы, коей совсем недавно минуло сто десять лет, — а если ладил с женщинами, с любым сумасшедшим общий язык найдешь. Там, правда, и доктора не лучше — правозащитники и буквоеды! Просишь справку дать, а они статьи законов цитируют — не положено, мол, только прокурору да судье...

Уговорил. Кроме ремонта прогнившей канализации, затеял Иван Сергеевич капитальный ремонт котельной. Старые деревянные корпуса отапливались двумя древними котлами на угле, такими же дряхлыми, как и вся больница. В каждом из восьми двухэтажных бараков важно, будто царские троны, возвышались под потолок изразцовые печи, растапливаемые ежегодно в особо холодные дни или при внезапных ремонтах котельной, разрывах труб или перерывах в поставках угля. Каждая топка печей становилась головной болью главного врача. Как-то ходил с ним по больнице майор местной пожарной части, именуемой сегодня отрядом спасателей.

— На пороховой бочке сидишь, начальник, — бурчал главный городской спасатель, — перекрытия деревянные, стены — старая труха. Чердаки, небось, завалены столетним мусором. Поднеси спичку — спасти будет некого! И печи эти твои старинные — для музея экспонаты хорошие, а для тебя — запальный шнур.

Дополнительными аргументами были регулярно появляющиеся в СМИ сообщения о пожарах в психинтернатах и больницах, с десятками жертв, жалким лепетом главных врачей и наивным недоумением ведущих новостей, не понимающих, как в наше время возможно «все это». Что могло знать о психбольницах и интернатах народонаселение шестой части суши? Только то, что во флигеле всегда воняет кислой капустой, а в палате № 6 содержат полоумного жида Моисейку, просящего милостыню у честного народа.

С того обхода прошло пять месяцев. Иван Сергеевич перевернул вверх дном все. Собрал хозяйственную службу, заведующих отделениями и старших сестер и потребовал в две недели очистить чердаки. На следующий день после

обхода майора залез он на чердак мужского отделения и покрылся холодным потом от ужаса. Чердак был забит, как старый сарай, что набивают за долгую жизнь, жалея выбросить на помойку пришедшую в негодность мебель, газеты и журналы вековой давности, одежное хламье, полуистлевшее постельное белье. Чего там только не было! Рядом с тюками списанного белья, используемого на половые тряпки, лежали грудами стопки «Журнала невропатологии и психиатрии», выпусков полувековой давности и до наших дней. Пирамидами громоздились сломанные стулья, столешницы и ножки столов, прикроватные тумбочки без дверок и огромные подшивки старых газет — «Правды», «Медицинской газеты», «Известий». Газетная бумага пожелтела, ломалась от сухости и могла вспыхнуть от дуновения чердачной пыли. В эти пять месяцев вывезли десять огромных грузовиков макулатуры, больше двадцати машин деревянного хламья и тряпья. Дважды устраивались тренировки по эвакуации. Это была игра почище «Зарницы» в школах советского времени... После пары таких тренировок Иван Сергеевич понял, что нужны запасные выходы, которых не было. Окна были остеклены небьющимся стеклом, и, хотя решетки давно убрали, в случае внезапной опасности для жизни через окна невозможно было вылезти наружу. В каждый барак вел только один вход-выход. От старой сестры-хозяйки детского отделения Иван Сергеевич случайно узнал, что из каждого здания был еще особый ход в подвал, где до революции первые надзиратели обустроили хранилища овощей. Из маленькой кладовки на втором этаже винтовая деревянная лестница вела в такую же кладовку на первом, а уже из нее — в подвал. Подвалы были большие, просторные, с многочисленными полками из листовенницы, не сгнившими за столетие. Но самое главное старая сестра-хозяйка поведала шепотом — из каждого подвала был выход наружу, типа тайного хода, заваленный ящиками, мусором и землей. Когда в корпусах больницы был лагерь для политических, те выходы зарешетили, за полстолетия они заполнились черт знает чем, но Иван Сергеевич проявил недюжинное административное рвение и добился расчистки подземелий в двух из шести отделениях — мужском и женском. Детское, соматопсихиатрическое и психо-

терапевтическое оставил на последующие месяцы. Даже успел провести одну тренировку с выведением всех больных с обеих этажей мужского отделения через подвальный выход.

— Валь, я сегодня задержусь, подъезжай за мной ближе к полуночи, буду проводить ночную пробную эвакуацию больных, на случай пожара.

— Кто будет поджигать? Вань, ты там не геройствуй, ради бога. Уверен, что это нужно? Случись что, твои больные впереди всех здоровых побегут!

— Не скажи.

Одним словом, какой-то толк от всей этой суеты все же был, и сегодня утром, зайдя на территорию больницы, Иван Сергеевич погладил взглядом бараки, ставшие уже родными, и тут же решил с начала будущего года начать поэтапный капитальный ремонт всех отделений. Входил через проходную, радовался кое-каким успехам и не подозревал, какое испытание готовит судьба...

В эти самые минуты, в трех километрах от больницы, на входе в старую бревенчатую школу разыгрывался ежедневный утренний спектакль. Но прежде чем стать зрителями в том театре, еще раз взглянем на Ивана Сергеевича. Небольшого роста, ходит мелкими шагами. Невзрачный, с широким носом, скуластым лицом и бледно-серыми глазами. В течение многих лет он пользовал женщин, которые сократили его имя и отчество до ласкового Ванюши. Они боготворили своего доктора, который двадцать пять лет освобождал их от бремени, не допустив за долгую жизнь ни одной материнской смерти. Он и в медицину-то пошел, уже заранее зная, что освоит необычную для мужчины профессию — акушера-гинеколога. Ему было двенадцать лет, когда он стоял возле гроба молчаливо застывшей матери, умершей в родах. Как же так случилось, что какая-то розовая козявка попискивает в кровати, а она, его мама, всегда такая теплая и родная, лежит чужая с незнакомым маленьким лицом, плотно сжатыми губами и прозрачно-восковыми ушами. Мать подарила взамен себя сестренку, которую они с отцом назвали ее именем — Светочкой, нянчились с ней, баловали, любили и растили, как могли двое мужчин растить будущую женщину. Отслужив действительную в мото-

стрелковой дивизии, легко поступил в медицинский. В институте над ним посмеивались барышни-студентки, когда в кружке при кафедре акушерства и гинекологии худощавый паренек наблюдал и описывал осложненные роды, торчал сутками в родблоке и уже к концу шестого курса принял сам не один десяток малышей. В течение двадцати пяти лет работал в городском роддоме, пропустив через свои руки не одну тысячу рожениц, в том числе и дважды — собственную жену. То ли простота его скуластого лица, то ли насмешливо-ласковый взгляд, то ли небольшие мягкие руки совершали некое чудо, но никто не мог понять, как юные девы, молодые и зрелые женщины ничуть не стеснялись своего Ванюшу не только в родблоке, где боль заставляет забыть о половых различиях роженицы и врача, но и при поступлении женщины в приемное отделение, когда схватки только-только начинаются. Он беззлобно подшучивал над поздно рожавшими женщинами, смешил барышень, ненавязчиво подучивал совсем неопытных девчушек, все чаще попадающих по стечению житейских обстоятельств на его устрашающий металлический агрегат. С шутками-прибаутками и пролетели четверть века. Потом, из-за частых ночных дежурств, заболел Иван Сергеевич гипертонией, перешел в женскую консультацию и там отбыл в нашей бесплатной медицине еще пять лет. Только ему одному удавалось порой отговорить еще вчерашнюю малолетку от первого аборта, сохранить не пораненной женскую судьбу.

— Что же ты, красавица задумала, все же у тебя на месте! Отчего доносить ребеночка не хочешь — еще краше станешь. Глянь, вон в углу Богоматерь с младенцем, — показывал он взглядом на копию Сикстинской мадонны, висящую специально как раз напротив нержавеющей агрегата, — глянь, какой взгляд у нее счастливый, — ворковал невзрачный доктор, копаясь своей маленькой ручкой во влажно-теплом святилище женских тайн.

По итогам пяти лет его «правления» консультация стала самой «передовой» по предупреждению нежелательной беременности и низкому количеству абортов на душу женского населения. Коллеги-врачи частенько издевались над простоватым Ваней, спрашивая словами известного анекдота, какой памятник ему поставить на могиле за труды его вели-

кие. Окулисту, мол, глаз каменный. Лор-врачу — ухо, а тебе?.. Он усмехался и заказывал расставленные ладони с младенцем в толстых мужских пальцах. Вот тогда и заметил «неприметного» заведующего большой начальник и несколькими словами убедил женского доктора круто изменить врачебную судьбу:

— Тебе, Иван Сергеевич, до пенсии два года. Десяток гипертонических кризов пережил? Того и гляди инсульт схлопочешь. Иди в спокойное место. Те дураки никому не нужны, никто по ним не страдает, не плачет, права не качает. Доплывешь тихо до пристани, пристанешь к берегу и отдохнешь с хорошей пенсией.

Только одно не сказал — запущенной была лечебница, ни один нормальный человек не согласился бы ни за какие коврижки лезть в это пекло...

Глава 2

Школа в Медвежьем

— Куда лезете, архаровцы? — покрикивала баба Поля, заканчивая мыть крыльцо и загородив своим дородным телом в длиннополном синем халате входную дверь поселковой школы. Ее швабра давно обросла легендами, из-за выдающейся роли владелицы. Баба Поля — старая уборщица, с волосами выцветшей ржи, толстыми отечными ногами и узловатыми подагрическими пальцами рук, единственный человек, вся жизнь которого была связана с этим летящим двухэтажным строением. Здесь, в угловой бытовке, под лестницей, она родилась — мать не успели свезти в городской родильный дом; в этой школе училась, а после бурных событий юности осталась работать преемницей матери. Она дорожила своим главным оружием — деревянной шваброй, сколоченной еще при маме сторожем школы из остатков лиственницы, подкинутых с ДОКа. Лиственница не гниет от воды, и швабра вместе с хозяйкой пережила пять директоров, несметное число учителей, знала по имени и в лицо всех выпускников, помнила каждый угол, каждую половицу